

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Лукоморье

СТИХИ

М 29

РЗ4:152

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1945

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ЛУКОМОРЬЕ

С т е х и

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Редактор *П. Антокольский*

Художник *А. Усачев*

А13044

Подписана к печати 21-И 1945 г. Печ. л. 2 $\frac{1}{2}$ Авт. л. 3,13
Уч-изд. л. 3,33. Заказ 1989. Тираж 10000 Цена 3 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“ Москва, ул. 25 Октября, д. 5

Я знаю, что в Омбе, где ливень осенний
Крошится о крыши, железо дробя,
Волнуешься ты. И, взамен объяснений,
Пишу я стихи про тебя, про тебя!

Волнуешься ты. И последних известий
У старого радио трепетно ждешь.
Мы вместе! Мы вместе! Мы вместе!
Мы вместе!
Найдешь!

Замечали —

По городу ходит прохожий?

Вы встречали —

По городу ходит прохожий,

Вероятно, приезжий, на нас не похожий?

То вблизи он появится, то в отдалении,

То в кафе, то в почтовом мелькнет отделении,

Опускает он гривенник в щель автомата,

Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата

И всегда об одном затевает беседу:

— Успокойтесь, угешьтесь — я скоро уеду!

Это — я!

Тридцать три мне исполнилось года.

Проникал к вам в квартиры я с черного хода,

На потертых диванах я спал у знакомых,

Преклонивши главу на семейных альбомах.

Выходил по утрам я из комнаты ванной.

«Это — гость, — вспоминали вы, — гость не

незванный,

Но, с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный!»
— Это — гость, — поясняли вы мельком соседу
И попутно со мной затевали беседу:

— Вы надолго к нам снова?

— Я скоро уеду!

— Почему же? Гостите. Придете к обеду?

— Нет.

— Напрасно торопитесь! Чаю попейте!

Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте!

Да! Имел я такую волшебную флейту.

За миллионы рублей ту я не продал бы флейту.

Разучил же на ней лишь одну я из песен:

«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»

Вот о чем вечерами играл я на флейте.

Убеждал я: поймите, уразумейте,

Расскажите знакомым, шепните соседу,

Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!

Я уеду туда, где горят изумруды,

Где лежат под землей драгоценные руды,

Где шары янтаря тяжелеют у моря!

Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!

О! Нигде не найдете вы края чудесней!

И являлись тогда, возбужденные песней,

Люди. Разные люди. Я видел их много.

Чередой появлялись они у порога.

Помню — некий стронтель допрашивал строго:
— Где чертог? Каковы очертанья чертога?
Помню также: истории некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель?
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккрая,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной Палатой.
— Лукоморье? Изволите звать в Лукоморье!
Лукоморье слышите только в фольклоре!
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки!
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мухомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!
— Погодите — в соседях играют на флейте!

Флейта, флейта!

Охотно я брал тебя в руки.

Дети, севши у ног моих, делали луки.

Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:
— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумеите,
А потом в Лукоморье зовите на флейте!
Флейту прятал в карман.

Почему ж до сих пор я не уехал с экспрессом
туда, в Лукоморье?

Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,
Уж давно на широкий бы вышел простор я.
Объясните знакомым, шепните соседу.

Успокойте, утешьте,—я скоро уеду!

Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сеодиться,
Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.

Но сознайтесь!

Недаром я звал вас, недаром!

Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиною, за моею спиною.

Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —

Злая спорщица с нами, и клоп из дивана..!

О, холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана.

Так случилось —

Мы вместе!

Ничуть не колдуя,

В силу разных причин за собой вас веду я.

Успокойтесь, утешьтесь! Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной широкой дороге.

Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,

Скороходу подобный, на вас не похожий,—

Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,

Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,

Неуклюжий, но дюжий в тужурке медвежьей.

...Реки, роши, равнины, печаль побережий...

Разглядели? В тумане алеют предгорья.

Где-то там, за горами, волнуется море.

Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

* * *

Я не таил от вас
Месторожденья руд.
Пусть ваш ласкают глаз
Рубин и изумруд,
И золотой топаз,
И матовый янтарь.
Все, что найдется тут,—
Для вас!

Так пел я встарь!

Я звал вас много раз
И на степной простор,
Где никогда не гас
Охотничий костер.
Я звал вас в пыльный рай
Необозримых стад...

Я звал вас в этот край...
Делить все, чем богат,
Я буду с вами рад!

РЕКА ТИШИНА

— Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?

— Я хотел бы, В ночь ледостава.

— Но отыщешь ли лодку хотя бы одну

И возможна ли переправа

Через темную Тишину?

В снежных сумерках, в ночь ледостава,

Не утонешь?

— Не утону!

В городе том я знаю дом.

Стоит в окно постучать—выйдут меня встречать.

Знакомая одна. Некрасивая она,

Я ее никогда не любил.

— Не лги!

Ты ее любил!

— Нет! Мы не друзья и не враги.

Я ее позабыл.

Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,
Что нарушена переправа,
Но хочу еще раз я проплыть по реке Тишине
В снежных сумерках, в ночь ледостава.

— Ночь действительно ветреная, сырая.

В эту ночь, трепеща, дотлевают поленья
в печах,

Но кого же согреют поленья, в печах догорая?

Я советую вспомнить о более теплых ночах.

— Едем?

— Едем!

Из дровяного сарая

Братья ее вынесут лодку на плечах

И опустят на Тишину,

И река Тишина у метели в плену,

И я на спутницу не взгляну,

Я только скажу ей: «Садитесь в корму!»

Она только скажет: «Я плащ возьму,

Сейчас приду...»

Плывем во тьму.

Мимо предместья Волчий хвост,

Под Деревянный мост,

Под Оловянный мост,

Под Безымянный мост...

Я гребу во тьме,

Женщина сидит в корме,

· Кормовое весло у нее в руках,
Но, конечно, не правит — я правлю сам!
Таёт снег у нее на щеках,
Липнет к ее волосам.

— А как широка река Тишина?

Тебе известна ее ширина?

Поавый берег виден едва-едва,—

Неясная цепь огней...

А мы поедem на острова —

Ты знаешь — их два на ней.

А как длинна река Тишина?

Тебе известна ее длина?

От полнoчных низин до полдневных высот

Семь тысяч и восемьсот

Километров — повсюду одна

Глубочайшая Тишина!

В снежных сумерках этих

Все глуше уключин скрип,

И замирают в сетях

Безмолвные корчи рыб.

Сходят с барж водоливы,

Едут домой лоцмана.

Незримы и молчаливы

Твои берега, Тишина.

Все медленней серые чайки

Метель отшибают крылом...

- Но погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Чайки метель отшибают крылом...
— Нет, погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Не понимаю — какой хозяйке?
— Которая в корме склонилась над веслом.

— О! Я скажу: «Ты молчи, не плачь.
Ты не имеешь на это права
В ночь, когда ветер восточный — трубач
Трубит долгий сигнал ледостава».
Слушай!
Вот мой ответ —
Реки Тишины нет.
Нарушена тишина.

Это твоя вина.

Нет!

Это счастье твое.

Сам ты нарушил ее,

Ту глубочайшую Тишину,

У которой ты был в плену.

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил,
И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня,

Я это понял.

Что же было делать?

Вошел я.

Сел к столу без приглашенья.

Густое ежевичное варенье

Таращило засахаренный глаз,

И пироги пытели, осуждая,

И самовар заклокотал, как тульский

Исправник, весь в медалях за усердь,—

Как будто б я все выпью, все пожру!

— Она приехала! — сказал художник.
И вот я жду: поджавший губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.

Но ты вошла...

Отчетливо я помню,

Как ты вошла — не ангел и не дьявол,

А теплое здоровое создание,

Такой же гость невольный, как и я.

Жена ему?

Нет! Это толки, враки,

Рожденные в домашнем затхлом мраке,—

Ему, который высох, точно посох,

Вовек не целовать такой жены!

Я это понял. Одного лишь только

Не мог понять: откуда мне знакомы

Твое лицо, твои глаза и губы,

И волосы, упавшие на лоб?

Я закричал:

— Я видел вас когда-то,

Хотя я вас и никогда не видел,

Но, тем не менее, я видел вас сегодня,

Хотя сегодня я не видел вас!

И, повторяя:

— Я вас где-то видел,

Хотя не видел...

Чаю?

Нет, спасибо! —

Я встал и вышел.

Вышел на веранду,

Где яростно металась мотыльки.

Ты закричала:

— Возвратитесь тотчас!

Я на веранду дверь раскрыл широко,

И в комнату ворвалось сорок тысяч

Танцующих в прохладе мотыльков.

Те мотыльки толклись и кувыркались,

Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,

И довели б до головокруженья,

Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,

А вынул юношеские полотна

В раздумии: нельзя ль из них портянки

Скроить себе. И тупо краску скреб.

Затем его окликнули соседи.

Надевши туфли, он пошел куда-то,

Оставив полотнище на мольберте

И ящик с красками не заперев.

Заманчивым дыханием искусства

Дохнули эти брошенные вещи,

И я,— хотя совсем не живописец,—

Вдруг ощутил стремленье рисовать.

Тут маковое масло из бутылки

Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.

Тебя я рисовал.

Но вместо тела

Изобразил я полнокровный стебель,

А вместо плеч нарисовал я листья,

Подобные опущенным крылам.

И лишь лицо оставил я похожим

У этого бессильного подобья —

Прекрасного, но пленного растенья,

Ушедшего корнями в огород.

И хрен седой растет с тобою рядом,

И хнычут репы, что земля на грядах

Черна. И всех своим нехитрым ядом

Перетравить мечтает белена.

И солнца нет. За облаками скрыто

Оно. И огородница подходит,

Морщинистыми, дряхлыми руками

Схватила за прекрасное лицо...

Художник тут вбежал.

Он крикнул:

— Кто вам позволил рисовать?

— Идите к чорту! — ему я сдержанно сказал

И тотчас

Покинул этот серый пыльный дом.

Вы ночевали на цветочных клумбах?
 Вы ночевали на цветочных клумбах —
 Я спрашиваю!
 Если ночевали,
 Какие сны вам видеть удалось?

Покинув дом, где творчество в запрете,
 Весь день метался я, ища квартиру,
 Но ни одна квартирная хозяйка
 Меня не допустила ночевать.
 Они, крестясь, захлопывали двери
 И плотно занавешивали окна
 Дрожащими руками. Слишком страшен
 Был вид и взгляд мой...
 Наступила ночь,
 И сумрачно постлал я одеяло
 Меж клумб под сенью городского сада.
 Но сон не брал. И травы щекотались,
 И вороны рычали с тополей.

Так ночь прошла.
 Рассвета не дождавшись,
 По улицам сырым, туманным, серым
 Я вышел за город.
 В глазах двоились
 Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.
Рассвет прошел. И день настал в полях.
И день настал. И сотворился полдень.
Я не стоял. Я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах дрящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.

Но голоса растений властно шепчут:
— Ищи, ищи!

И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась, как из-под земли.

Ты закричала:
— Где вы ночевали?
Чем завтракали?
Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки, как я вас ищу!

Все кончилось.
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб.

Июльская земля
Нам греет ноги.
Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля!

ДЕРЕВЬЯ

— Как ваше здоровье,— спросил я,— деревья?
Деревья молчали вначале.

Скучали? Презреньем встречали?

Едва ли.

Они тосковали.

Вдруг скрипнула ива:

— Здорова!

И сосны ворчливо:

— Мы живы!

И тут зашумели и справа и слева

Деревья, качаясь от скорби и гнева:

— Твои непонятны нам мысли!

— Скажи откровенно, в каком это смысле ты
задал вопрос?

— Расскажи нам про это!

— Здоровы ль? Какого ты хочешь ответа?

— Ты хочешь рубить? Но кому мы помеха?

— Есть люди, которым рубить нас — потеха!

— Иные же древообделочным цехом

Считают весь мир. Но имеют ли право?

— Стыдись! Незаконная это расправа! — вскричала крупина, гнила и корява.

Но этой старухе ответил со смехом:

— Ты мхом и грибком обросла, точно мехом,
И вовсе ты зря беспокоишься, право!
Спокойно земные посасывай соки,
О, древнее, ветхое, сонное древо!
Твое червоточиной тронута чрево.
Есть более молоды, стройны, высоки
Деревья!

И те, что молчали вначале,
Теперь закричали в припадке печали:

— Как нас величали!
— Под нами венчали!
— Венчали венцами!
— Любили сердцами!
— Ах, вам не удастся в древесную массу нас
всех превратить!

И от скорби затрясся

Весь лес. И еловые лапы хлестали,

Как белые осы, пушинки летали...

Восстали!

Восстали деревья! Но крикнул тогда я:

— Вас всех обманула старуха седая!

Ее червоточиной тронута чрево.

Послушай, береза, о, белая дева,

Сосна, что гордишься своей прямою,

Осина, обиженная клеветою,

Послушайте все вы! Дика ваша злоба.

Вы наши друзья с колыбели до гроба,
От люльки друзья, чье качанье нам любо,
В еловом тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо.
Венцы, на которые ставится зданье...
Венки на гуляньях и веники в бане...
Кресты, что стоят на глухих перекрестках —
Зеленая плесень осела на досках...
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит!
Повсюду ты, дерево! В долужбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя,
Ты нас одаряешь своими плодами...
Но разве владеем мы только садами?
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свищут зловеще.
Все это весьма непохожие вещи.
Кому же и ведать об этом? Не мне ли?
Вы часто, деревья, в печах пламенели,
Но,— вам я сказать без смущенья осмелюсь,—
И сам я горел, чтоб другие согрелись!
И я топором был под корень подрублен,
Но не был погублен, я не был погублен!
И сам я летел оперенной стрелою.
Я знаю грядущее, помню бывшее!
Сказали деревья:
— Ты должен бояться,
Что люди, прислушавшись, станут смеяться,

Как ласково ты побеседовал с нами,
О, ты, одержимый волшебными снами!
Запели деревья:
— Мы это оценим!
Ты с нами хорош. Мы тебе не изменим.
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О, ты, на деревья с любовью глядящий!
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли мои понимая,
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещая.

ВОЛОГДА

На заре розовела от холода
Крутобокая белая Вологда,
Гулом колокола веселого
Уверяла белая Вологда:
Сладок запах ржаных краях!

Сладок запах ржаных краях,
Точно ягодным соком полных.
И у севера есть свой юг —
Сторожит границу подсолнух.

Я согласен, белая Вологда!
Здесь ни холода и ни голода,
И не зря в твой северный терем
Приезжал тосковать по потерям
Грозный царь. И на белые стены
Восходи он оплакать измены,
И отсюда в град свой столичный
Возвращался он смиренный, довольный.

Вспоминая твой глас колокольный,
Сладок запах ржаных краюх!

И не зря по реке Золотухе
Петухи плывут краснобрюхи,
Кукареча, что гости незваны —
Тати, воры, цари самозваны,
Да приبلудные чудные паны,
Да таинственные монахи
На мостов скрипучие плахи
Не решались вползти и на брюхе,
Устрашались Золотухи.

И не зря по речным берегам,
Там, где Кремль громоздится в тумане,
Брел татарский царек Алатам,
Отказавшийся от Казани.
Брел он тут, повторяя вслух:
«Сладок запах ржаных краюх!»

То-то, Вологда!
Смейся, как смолода!
Тело колокола не расколото,
Синеглазый лен,
Зрелен золото!
И пахала ты,
И боронила ты,
И хвалила ты,
И бранила ты...

Сколько жизней захоронила ты,
Сколько жизней и сохранила ты —
Много зерен здесь перемолото.
Так-то, Вологда,
Белая Вологда!

КРУЖЕВА

Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева удивительные плела
В Кружевецком сельсовете над тишайшею речкой
Нить.

Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я пошел в Кружевной союз, попросил показать
альбом,

Говорил я, что разберусь без труда в узоре любом.
Мне показывали альбом. Он велик, в нем страницы
горбом,

И, как древних преданий слова, по страницам
бегут кружева.

Разгадал я узор сполох, разгадал серебряный мох.

Разгадал горностаевый мех,

Но узоров не видел тех,

Что когда-то видал в сельсовете

Над тишайшею речкой Нить —

Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!

Я моторную лодку беру,

Отправляюсь я в путь поутру — ниже-ниже
по темной реке.

Сельсовет вижу я вдалеке.

Не умеют нигде на свете эти древние

тайны хранить,

Как хранили их здесь, в сельсовете над тишайшею
речкой Нить.

Славен древний северный лес, озаренный майским
огнем!

Белый свиток льняных чудес мы медлительно
развернем.

Столько кружева здесь сплели, что обтянешь вокруг
земли —

Опояшешь весь шар земной, а концы меж землей и
луной

Понесутся, мерцая, вдали...

Славен промысел кружевной!

Это те иль не те кружева?

Мастерица! Она жива?

Да, жива!

И выходит она, свитой девушек окружена.

Говорит она:

— Кружева мои те же самые, те же самые,

Что и девушки и молодухи. Не склевали наш лен
воробушки!

Не склевали лен черны вороны, разлетелись они во
все стороны!

Живы, цветики вы льняные.

Где вы, братья мои родные?

Встаньте, дети, на рассвете, веселиться, брагу пить

В Кружевецком сельсовете над глубокой речкой

Нить!

— Почему ж твой голос гневен?

— Потому что я жива!

Я заморских королевен одевала в кружева.

Я одену их и снова. Вот он, свиток мой льняной.

Я из сумрака лесного, молода, встаю весной,

Я иду! Я — на рассвете!

Встретьте девицу-красу

В Крубевецком сельсовете, в древнем северном лесу!

ДИВНАЯ СТРАНА

Здравствуй, северная Русь!
Ты, Югра-соседка, здравствуй!
Сказка здесь над былью властвуй!
Различить вас не берусь.
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые,
У них выи меховые. Белки валяются живые,
Соболя летят седые из косматых этих туч
Прямо в тундру, за Урал. Там мой пращур их и
брал.

Мол, к нашим дырявым овчинам
Пришьем драгоценны заплатки,
И сбудем заморским купчинам
Мы красного меха в достатке.

Что мой пращур?
Гольтьба!
Он в лохмотьях шел тайгою.
Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,
То есть с женщиной в яге, в теплой северной
одежде...

Я о встрече той в тайге вспоминаю и в надежде,
Что этнографы прочтут и обдумать им придется
Все изложенное тут. Шуба женская зовется
Там, на севере, ягой.
Знай, этнограф дорогой.

Баба-яга сердита.

— Ну,— говорит,— погоди ты!
Зря,— говорит,— не броди ты.
Женю я тебя на внучке,
Возьмет в золотые ручки!

Верно, пращур?

Было так?

Золотым копьем блистая,
Поджидала вас, бродяг, Дева-идол золотая,
Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,
Неприступна и строга, охраняла Лукоморье.

Злата шкура на плечах,

Золотой огонь в очах,—

Грейся, пращур, в тех лучах.

— Ах, гостеприимна!

В чуме вот только дымно,

В губы не целовала,

Мерзлую рыбу давала.

О чем она толковала?

— Пусть бьются князья с князьями —

Народы будут друзьями!

Ты. остался, пращур, там?
Венчан снежными венцами?
Ложе устлано песцами?

Нет!

К волшебным воротам
За тобою по пятам
Шел Куракин со стрельцами,
Со стрельцами да с писцами за тобою

по пятам.

Шли не с чистыми сердцами к Лукоморским
воротам.

И закрылись ворота, и в туман укрылись горы,
Схоронилася в Обдоры Дева-идол золота,
И волны гремели на взморьи,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье,
Хранить вы его не сумели!

Лукоморье!

Где оно?

Не участвую я в споре

Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье

На страницах старых книг, в незаписанном

фольклоре.—

Знаю я: где север дик,

Где сполоха ал язык —

Там и будет Лукоморье!

Там, у дальних берегов, где гремят морские воды,

Где восстали из снегов возрожденные народы —

Лукоморье там мое!
Там стоит, в стократ богата,
Опираясь на копье, а быть может, на ружье,
Молодая дева Злата.
Я не знаю, кто она —
Инженер или пастушка,
Но далекая избушка, что за елками видна,
снова сказками полна.
Здравствуй, дивная страна!

ГЕРБЫ

Храним наследье минувших столет: ..
Ничто да не исчезнет без следов!

Я наблюдал:
Рассматривают дети
Гербы старинных русских городов.

Вот герб Боровска.
Полное багрянца,
Чье это сердце в лавровом венце?

«Во времена второго самозванца
Был град Боровск во пламенном кольце
Осады вражьей. Воеводы Змеев
И Челишев — презренных вора два —
Вдруг перешли на сторону злодеев,
Но объявился, яростнее льва,
Волконский князь. Сей воевода третий
Воззвал к народу:

«Бьемся до конца!»

И на гербе из пыльной мглы столетий
Оно сияет, сердце храбреца,
Пылает сердце...
Детский голос звонок.
Прошли века...
Давно Волконский жил...
Но слушай, слушай, что сказал ребенок:
— Да! Красную звезду он заслужил!
Ты улыбнулся?
Дети — это дети!
Не забывай: ребенком был и ты!

Вот герб Козельска встал из мглы столетий,
Кресты, щиты... кресты и вновь щиты.
И черные они, и золотые,
Червленые на черни там и тут.

Написано:

«Во времена Батые
Козельского посада добрый люд
Решил с ордою беспощадно биться,
Хотя не вел их в битву юный князь.
Рекли козельцы: «Чем в плену томиться,
Пойдем умрем, с ордою поборясь!»

...Истории забытая страница.
Молчит дитя, над книгою склонясь.
Но слышишь?
Вновь раздался голос детский,

Спокойный и уверенный вполне:
— Козельцы поступили по-советски,
Как следовало в уличной войне!

Гербы, гербы!
На полку книгу ставя,
Ребенок позабыть ее готов.

Но вы, художники! Задуматься вы в праве
О старой славе
И о новой славе
Больших и малых наших городов!

БАЛЛАДА О ГЛУБОКОМ ТЫЛЕ

О доблестных подвигах наших орлов
Немало рассказано было,
Но скажемте, кстати, и несколько слов
Про тишь глубочайшего тыла.

— Ты помнишь, товарищ, родную
Сибирь —
Равнины, озера и горы?..
А помнишь за городом этот пустырь, —
Заборы, заборы, заборы?

— За Омском?
— Да! Был и за Омском такой,
Но был и за Томском он тоже,
За Омью-рекой
И за Томью-рекой..
Несходно, но, в общем, похоже.

Он был и за Бийском, подобный пустырь,
Паслась там, однако, кобыла.

...Бийск, Тара, Березов, Нарым, Анадырь.
О, тишь глубочайшего тыла!

Товарищ!

Сражаясь с врагом на Дону,
В далеких поволжских равнинах
И вспомнив Сибирь, золотую страну,
Ты грезил о горных вершинах.
Когда вспоминал ты, мой друг, про
Сибирь,

О ней вспоминал ты не плохо
И думал едва ли про этот пустырь.
Колючий от чертополоха.

Так вот!

Когда бил ты врага под Москвой,
Пустырь оживился неожиданно.

Туда, в душегрее своей меховой,
Явилась, бела и румяна,
Явилась она!

Говорю тебе я —

На это глушайшее место
Явилась она!

Кто?

Подруга твоя,
Жена, а быть может, невеста!

И выросли разом

Дома-терема,

Дворцы, что не выдумать лучше.

И кто ж их возвел?

Не она ли сама,
Румяна, бела и могуча!
Работала день
И работала ночь,
Чтоб замки волшебные встали,
И пела:
«Я Сталина верная дочь!
Мой молот из сталинской стали!
Стою и пою я,
Тружусь и пою
В мерцающей мгле кочегарок.
Чтоб помнили вы про невесту свою,
Кую я отменный подарок!
Ты, ветер, по тундре в минувшие дни
Носился, бездумен, бездомен!
Дохни же!
Раздуй золотые огни
У домен, у домен, у домен!

Нет тыла у немца!
Германия — ад,
Где дьявол царит. И недаром
На Рур и на Кенигсберг бомбы летят.
Империю вся под ударом!

А здесь
Никогда не завоюет снаряд
Над крышами зло и уныло,
Не рухнут полы,

Потолки не сгорят.
О, тишь глубочайшего тыла!

Могучая Обь,
Златоструйный Иртыш,
Ангарские ясные воды,—
Повсюду, куда только ни поглядишь:
Заводы, заводы, заводы.

У шваба нет тыла,
У шваба есть зад,
Загойвок да рыжее рыло.
Лети же в то рыло, тяжелый снаряд!
Лети из глубокого тыла!

Снаряд я точила!
Смертельный заряд
Своей я рукою вложила!
Пускай, издыхая, почувствует гад
Дыханье глубокого тыла!»

Товарищ,
Вернувшись домой, посмотри,
Как дом изменился твой старый.
Едва ли найдешь ты теперь пустыри
За Омском, за Томском, за Тарой!
Там всюду, поверь, говорю тебе я,—
Объявится поздно иль рано
Та Дива Востока,

Подруга твоя,
Могуча, бела и румяна!

О, друг,
Из-за гор ее голос услышь!
Подруга тебя не забыла!
...Я все рассказал про могучую тишь,—
Про тишь глубочайшего тыла!

МУЗА

Ночь была, мгла легла.
Но, как порох,
Вспыхнул вдруг алый свет в светофорах,—
Значит, город, не спишь!
И намокшие клочья афиш
Шевельнулись в ночи на заборах...
Белый свет в светофорах,
Желтый свет в светофорах.
Странный шорох откуда-то с крыши!
Вот он ниже, но скрыла мгла.
Вот он ближе, из-за угла.
Шелестят вымпела?
Или дворницкая метла
Расчищает устало
Мусор в недрах квартала?
Или в сквере качнулась ветла?
Нет! Донесся шелест крыла.
Это Муза была. Муза. Летала!
Летала вокруг квартала.
Перед входом в чертог,

У портала,
Вдоль метало ее, поперек...
Трепетала!

Древнегреческий помню язык.
Понимать я его не отвык. Поскорее
Поднимаю я Музу, веду
В темный сад, потому что в саду, мощно
грел,
Озаоя волшебным огнем,
Незаметным, невидимым днем -- только
ночью.

Только ночью, среди темноты,
Существуют такие цветы. И воочью
Вижу я: да, она! Вся бела! Это — Муза!
За плечами у ней два крыла. Это — Муза!
Муза! Ждал тебя, Муза, давно! Прилетела?
Только вижу — алеет пятно,
Багровеет, синеет пятно...
Муза! Ранена? Да? И давно? Где? В чем
дело?

...Расколовшийся мрамор Афин,
Брызги крови до горных вершин,
Ключья мяса...
Муза! Ты это говоришь
Или слышится шелест афиш:
«Оборона Парнаса!», «Оборона Парнаса!»

Из Эллады, с парнасских вершин,
Из немецкого плена,
Где от слез поднялась на аршин Иппокрена,
Прилетела ты к нам, Мельпомена!
Чорт возьми!
У парнасских вершин
Шваб потребовал пива графин.
Но не впрок. Даже пена
Издает запах тлена!
Так мне крикнула Муза.

С крыла
Кровь извиистой струйкой текла,
запекалась.

— На Парнасе вчера я была!
До последнего срока была
И сражалась!
У убитых винтовки брала и сражалась!
И Борей меня вынес, суров,
Там из пламени книжных костров.
Вы мне рады?
— Да, мы рады!
Здесь, у гиперборейских снегов,
Ты защиту найдешь от врагов,
Дочь Эллады!

ЛЮДИ С ОСТ-ЗЕЕ

О, люди с Ост-Зее!
Я знал вас, встречал.
Альберт плавать учил меня.
На Чужбине-воде он по морю скучал,
Тосковал у чужого огня.
— Ты знаешь, о чем я думаю?
Одно у меня на уме:
Вей, ветер! Неси ладью мою!
Возвращусь я в Курзюме!

Он еще говорил:
— Если б дома я был,
Я тебе бы на память фрегат смастерил,
А Сильва дала бы попробовать сыр
И яблочного вина.
Мы бы с тобой бы устроили пир!
Чаша была бы полна!

...Это было еще, когда царил мир, не
начиналась
война, в давние времена.

О, люди с Ост-Зее!
Веснущатый род, белесые волоса!
Народ из приморья, народ с болот, народ,
населявший леса.
С моря туман встает, на заборе петух поет.
Заплесневелый гранит
Старых ворот.
Как серебро звенит,
Сильва поет.
Ратуши стрельчатый свод —
Стремление в небеса,
Где ангельские голоса,
А в гавани дремлет флот —
Там трубы и паруса,
Переплетение рей
И на горбах якорей
Отблеск мокрых морских фонарей.
Их тысяча и семьсот,
Тысяча восемьсот,
Тысяча девятьсот...

О, люди с Ост-Зее!
Прилив и отлив
В море у вас невысок.
И это не ветер, леса оголив,
С дюн поднимая песок,
Гнал вас на запад, за Зундский пролив,
Гнал на далекий восток.
Увозили людей поезда,

Корабли уходили...

Куда?

Казалось, что родина навсегда потеряна,
навсегда.

И под дождем, на морском ветру, вы
уходили во мрак.

И говорил барон поутру:

— Где мой проклятый батрак?

О, люди с Ост-Зее!

Я знаю, что вас рассеяло по земле.

Один в Аргентине скотину пас, другой
се пас в Акмоле,

Один на Цейлоне вкушал ананас, в
тропическом зное, и бос и чумаз,

Матрос на чужом корабле;

Другой на полярной земле бил зверя в
студеной мгле,

И — это, я знаю, случилось не раз — с
огромных глубин добывал водолаз

Простой, старомодный остзейский компас, где
горе дрожит на стреле.

Этот компас имею и я. Имею его и я.

Альберт!

Мы были с тобою друзья.

Ты мне мастерил фрегат.

Мы еще встретимся, ты и я.

Я тебя позову.
Ты мне делал фрегат.
Не на том корабле,—
Слышишь, Альберт, мой брат,—
На другом корабле
В старый Таллин к тебе я плыву!

ГИПЕРБОРЕЯ

Ты детских не ценил воспоминаний...
Верней, ты не хранил воспоминаний.
Забыл ты дом из ноздреватых бревен,
Огромный дом, в котором пол неровен,—
Одно из тех старинных крепких зданий,
Построенных когда-то в упованьи,
Что простоят до светопреставленья...

Теперь они пришли, воспоминанья,
И мы припоминаем в изумленьи
Чудесный город, где орнамент ставен
Напоминает по рисунку плавень,
А иногда осенний серый ливень,
А иногда и мамонтовый бивень,
И черепа таинственных животных,
Еще ужасных, но уже бесплотных.
Таких рисунков много-много сотен
На дереве ворот и подворотен,
На окнах, на карнизах, на заборах,
На тех домах, и нет уже которых.

Есть гавань у границ Гипербореи —
Забывтый порт, где парусников реи,
Одетые тяжелыми холстами,
Среди тумана кажутся крестами,
А иногда грозящими перстами.

Но посмотри: из древней снежной пены
Вдруг выглянули радиоантенны,
И озарило голубое пламя
Кают и рубок стынущие стены.

И — слышишь ли — то не из трюмов темных
Вздыхают долгоротые насосы,
То не гуденье стрел грузоподъемных,
Что мечутся над палубами, косы,
Не дробный хохот ржавых кабестанов,
Но что это —
Спроси у капитанов!

Нырните в воду, ледяные змеи.
Раздвинься ты, завеса снеговая,
Врата златокипящей Мангазеи
Передо мной и вами открывая!

ВУРДАЛАКИ

От эгейских теплых вод
И до Альп, что в снежном мраке,
Всюду знает их народ:
Вурдалаки! Вурдалаки!
Упыри,
Могил цари!

Стонет Прага Золота,
Братислава вторит, плача:
— Кровь-руду сосут уста
Вурдалачьи, вурдалачьи!

Содрогается поляк,
Бремя тяжкое несущий:
— Сгинь, проклятый вурдалак,
Пот и кровь мою сосущий!

Упыри,
Могил цари!
Их осиновым колом

Протыкали, по поверью.
Это было. Но — в былом...

Вурдалацкую империю
Уничтожит гнев людской,
Стая снова не слетится,
Тот кошмар не возвратится,
Шевеленье прекратится
Под могильною доской!

Ты на нас пошел войной,
Вурдалак, гадючье око!
Прямо в грудь нам, вор ночной,
Впился жалом ты глубоко!

Грянул битвы грозный день,
Мы расправимся жестоко.
Знай, кладбищенская тень,
Что рассвет встает с востока!

ВОЛГИНСКИЙ ЛЕС

Настало время, наконец,
И этот вспомнить лес,
Чьи корни точно до сердец,
Вершины — до небес.
Возьми на карте и найди
Тот лес и тот ручей,
Чтоб сердце у тебя в груди
Забилось горячей.

Не ты ли сам вступил, боец,
В дремучий этот лес,
В тот лес, чьи корни до сердец,
Вершины — до небес?
И сердце у тебя в груди
Забилось горячей.
Гляди!
Часовня впереди.

Ни пламени свечей,
Ни блеска риз, что были встарь

На темных алтарях,
Ни алтарей...
Но что за тварь,
Рыча, стоит в дверях?

Солдат!
Сломи ему хребет, взъерошенному псу,
И, отшвырнув, шагни вперед.
Ты в Волгинском лесу.

Ты в Волгинском лесу, боец!
Волшебен этот лес,
Чьи корни точно до сердец,
Вершины — до небес.
Смотри! В часовне нет свечей
И нет паникадил,
Но здесь рождается ручей,
Что Волгу породил!
Пробился он из-под земли
Сквозь Чудь, и Мерь, и Весь.
Не зря храмину возвели
Лесные предки здесь!

Вот здесь!
Склонившись к роднику,
Что в рамке из тесин,
Приветствуй Волгу, мать-реку,
Боец, как добрый сын.
Забыт ли, Волга, твой исток!

В лесу, где нет дорог,
Могуч, рождается поток,
Ведущий на восток.

Давно ли шли за Клин бой,
Шел за Калинин бой!
Любой кусок родной земли,
Клочок ее любой
Отстаивал народ в боях.
Ее любую пядь.
Давно ли был отогнан враг
К истокам Волги, вспять!

Давно ль!
Все это позади.
Ты не забыл еще?
Нет!
Сердце у тебя в груди
Забьется горячо,
Припомнив блеск январских троп
И лес, и древний сруб,
И то, как крепко вмерз в сугроб
Тевтона сизый труп.

Тевтон на Волге!
Думал он
Казань завоевать.
Наверно, норовил тевтон
И дальше побывать...

Повсюду взять мечтал он власть,
Готовил корабли,
Чтоб к лету красному попасть
В Баку и Энзели!

Ты не забыл!
Весна пришла.
Смеялась, молода!
Поплыли грузные тела
По Волге.
Но куда?
Куда проклятые тела
Уплыли навсегда?
Куда медлительно несла
Их вешняя вода?
Вода высокая была,
Не не был путь далек:
Поплыли мертвые тела
На юг и на восток,
Через Вдохит и Обссуг
На Пёно, где карчи,
Торча, вздымаются вокруг,
Как ржавые мечи.
Был всем врагам один конец.
Об этом знает лес,
Тот лес, чьи корни до сердец,
Вершины — до небес!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Ты знаешь пословицу: мы говорим, что сладок
бывает отечества дым...

Я дым этот сладкий вдыхал наяву.

Послушай! Когда ты вернешься в Москву,

Немедленно в Кунцево побывай,

Да, в Кунцево!

Кунцево —

Не забывай!

А дальше к Татаровке надо пройти,

Не так далеко это — рядом почти.

Ну, словом, к Татаровке, друг мой, пройди,

Серебряный Лог за деревней найди,

У этого Лога костер разведи и глины возьми.

Слышишь,— глины, мой друг, которой поблизости
много вокруг.

Вот этой-то глины в костер и добавь,

И сладким ты дымом надышишься въявь!

Горят эти глины!

Ты понял? Горят

И, жарко горя, издают аромат.

Ну, да,— аромат! Верь мне, друг,— аромат!
И тот аромат точно мед сладковат.
Поверь — никакого тут нет волшебства,
А просто, где плещет волною Москва,
Там есть отложения юрских слоев,
Цветов отпечаток, надкрылий жуков,
И рыбьих чешуек, и игол сосны,—
Все есть в этих глинах — и сладость весны,
И осени горечь!

Но где на земле
Ты запах цветов ощутил бы в золе
Горящей земли? Где пылает она,
Даря ароматом пьянее вина?!

Да, друг мой! Ты в Кунцево часто бывал
И, кажется, даже на даче живал.
Там в парке Смирновском ты пиво пивал,
Глотал «эскимо», торопясь на вокзал,
А вот не вдыхал ты отечества дым,
О коем так часто мы все говорим!

НАЙДУ Я ДОРОГУ В МОСКВУ

1

Я вечером шел по Неглинной,
И вдруг закричала сова,
Как будто бы шел я долиной,
Где позже возникла Москва.
Как будто бы шел я холмами,
Где в будущем встала она,
Премудра своими умами
И девушками красна.

Хрипела сова,
Шумела листва,
Шелестела трава,
Илом пахло и тиной...
Вот что я ощутил на Неглинной.

И понял я:
 Так своенравно
 И грезить могу наяву.
 Лишь в силу того, что недавно
 Назад я вернулся в Москву.
 Вернулся из черной пустыни,
 Где значатся города,
 Которые были, а ныне
 Исчезли почти без следа.
 Они б и сейчас не воскресли,
 Росла бы на свалках трава.

Вот так бы и вышло бы, если
 Врага не сломила Москва.
 Кричала бы ночью с развалин сова,
 Сначала бы выросла только трава,
 Потом зашумела бы снова листва
 Вот здесь, на Неглинной,
 В долине пустынной.

Конечно, они бы желали
 Оставить тебя, как Париж,
 Но вместе с тобой бы пылали,
 Пылали, когда ты горишь!
 Ведь ты б не осталась под игом,
 Разъялась на части сама!

И чувствую, знаю, что мигом
Исчезли б сады и дома!
Исчезли бы и не воскресли
Вот эти сады и мосты.
Я знаю,— так вышло бы, если
С врагом не расправилась ты!

3

И тут ощутил я иное,
Неясное... Будто бы вдруг
Какой-то далекой страпою
Я еду. Пустынно вокруг.
И между деревьев корявых
По этой далекой стране
В доспехах, от сырости ржавых,
Я еду на грузном коне.
По этой огромной равнине
Я еду один под дождем,
И кто-то кричит мне:
— Добрыня!
Добрыня! Ты близко? Мы ждем!
Наш терем сожег лютый враг,
Ты снова нам дом возведешь.
Лес близок, у нас он не дорог,
И камень добудем хорош!
Мы ждем! Мы дождемся! Мы встретим!
Кричала земля: — Я зову!
На смену развалинам этим

Построй нам, Добрыня, Москву!
Москву! Чтоб стояла повсюду —
На Вологде, Волге, Неве!
Прислушайся к доброму люду,
Чтоб быть нам повсюду в Москве!

4

И нечто я пережил третье —
Увидел иную страну,
Как будто бы тысячелетье
Прошло за секунду одну.
И нету коня, на котором
Я ехал, строитель палат,
А мчусь я на поезде скором,
Который как будто крылат.
Я вижу мосты и вокзалы,
Снопы золотого огня,
Какие-то горы и скалы,—
Все мчится, гремя и ззяня,
Встают эти горы грядями,
Как будто на полных парах
Наш поезд гремит городами,
Которые встали в горах.
О, да! Он нагнал опозданье,
И я рассмотрел второпях
Бульвары, знакомые зданья...
В горах?
И в горах и в степях!

И вижу знакомые лица,
Знакомые слышу слова.
Провинция или столица?
Не знаю. Но это Москва!
Москва ли?
Ты просишь ответа?
Ответ я предчувствую твой.
Не сам ли ты создал все это —
Провинцию сделал Москвой!
Эй! Лес здесь дремучий не чахнет,
Гогочет на озере гусь,
Но пахнет, но пахнет, но пахнет,
Здесь пахнет Москвой,— я клянусь!

5

Под вечер
По гулкой Неглинной
Машина прошла, грохоча,
А где-то за шаткой витриной,
Под аркой какой-то старинной,
Послышался шаг москвича.
И голос провинциала
Донесся: — А как мне пройти?
И чья-то рука указала:
— Вот тут это! Рядом почти.
Идемте. И мне по пути.
И я пригляделся к идущим.
Мы виделись где-то. Но где?

Я здесь! Я в былом! Я в
Я всюду! Я буду везде!
И где б ни столкнулись мы с вами —
В лесу, где хохочет сова,
В пустыне, что славится львами,—
Где мы,— там и будет Москва!

6

Москва!
Это славное слово.
Его повторяет любой —
Оно на устах зверолова,
Оно на устах китолова,
Его произносит прибой,
И пахари шепчут сурово,
И воин несет его в бой.
Москва! Мы повсюду с тобой.
Где был я и, может быть, буду —
Я тысячи мест назову,
Но вам говорю: отовсюду
Найду я дорогу в Москву!

ЛУКОМОРЬЕ

1

Кто ответит, где она:

Затопило ее море, под землей погребена, ураганом сметена?

Кто ответит — где она, легендарная страна,
Старых сказок Лукоморье?

Лукоморье?

Где оно?

Не участвовал я в споре

Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье

На страницах старых книг, в неизученном

фольклоре.

Я иным путем проник в Лукоморье!

В разукрашенном челне

Шел навстречу я волне.

С берегов услышал я:

— Здесь волшебные края!

Баснословную страну
Вы отыщете, друзья,
На широком на Дону.
Это — родина моя!

Я спросил:

— Ты кто такой?

Над могучею рекой он стоял, казак донской,
На привольные низовья, на простор смотрел
морской.

— Что ж ты видишь за рекой? Ты ответь,
казак донской!

— На низовьи, в Приазовьи, берег выгнулся
лукой!

Зелен дуб шумит у моря, золотая цепь вокруг.
Старых сказок Лукоморье — это наш привольный
юг.

Славен юг цветущий наш,
Славен ты, Донецкий кряж,
Достолавен ты, Донбасс!

2

Так он славил.

Но тотчас

Речь с востока донеслась:

— А не хуже и у нас! А не хуже и у нас!
По горам и по лесам нет и счета чудесам!

— Нет и счета чудесам?

А откуда ты сам?

— А оттуда я и сам!

Есть иное Лукоморье!

Побывал мой пращур там, где лукой заходят в
море

Эти горы. Между скал,
Пробираясь за Урал,
На восток мой пращур шел,
Лукоморье он искал
И нашел!

Вот она — страна чудес!
Вы войдите в этот лес,
В лес, чьи корни до сердец,
А вершины до небес!
Вы пройдите лес дремуч,
Поглядите с горных круч:
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые.
У них выи меховые. Соболя летят седые,
Белки валяются живые и оленицы молодые
Из косматых этих туч!
Лукоморье тут мое!
Тут, румяна и богата, подарила мне копье
Дочь востока дева Злата.
С ней от моря и до моря через всю я шел
Сибирь.
Разгулялся на просторе славен русский богатырь.

Старых сказок Лукоморье, славься, вольная
Сибирь,
Дивных сказок Лукоморье, славься, вольная
Сибирь, сердцу русскому близка!

3

И слились тут в мощном хоре голоса
Сибиряка и донского казака:
— Старых сказок Лукоморье,
Славься ты, могучий Дон,
Где казак стоял в дозоре с незапамятных
времен!
Старых сказок Лукоморье, славься, вольная
Сибирь,
Где, с великой стужей споря, победил наш
богатырь!
На цветущем нашем юге достославен ты,
Донбасс.
Но и там, где свищут вьюги, не беднее край
у нас.
На Кузнецком Ала-Тау мы воздвигли города,
Жарок уголь там на славу, ярко искрится руда.

Золотые семена
У кубанского зерна:
Многолетняя пшеница
На востоке возвращена,

Ни мороза не боится
И ни засухи она.
И не зря идет молва:
Лукоморья у нас два,
А быть может, и не два.
Сказка чудная жива!

4

Потемнели небеса,
В них громоздятся тучи.
Иные слышу голоса.
Не слышать бы лучше.

— Ой, горе!
Ой, горе!
Затопило б лучше море,
Ураганом бы смело да песками замело!
Ой, казачки вы донские,
Ой, рыбачки вы морские,
Пришел лютей враг на Дон,
Гонит немец вас в полон!

Ой, горе!
На зеленый вертоград,
На цымлянский виноград
Стаи черные летят.
Горит Лукоморье!
Ой, горе,

Лукоморье, Лукоморье!

Хорома твои горят!

Смотри:

Погас на Ай-Тодоре

Врагом разрушенный маяк,

И на донское Лукоморье и на кавказские

предгорья,

Повсюду сея смерть и горе, идет жестокий,

лютый враг!

Пылают мирные селенья, огнем объята города.

Несется весть об отступленьи...

Неужто это навсегда?

И волны гремят на взморьи,

И ветры в лесах зашумели:

Исчезло, ушло Лукоморье,

Хранить вы его не сумели!

5

Нет!

Так не будет!

Знаю я!

Могуча Родина моя.

Не рыскать здесь тевтону-псу!

В дремучем муромском лесу проснулся Муромец
Илья.

— Твой голос не звучал века.

О чем ты спросишь, исполни?
Не про героев ли былин?
И слышу я издалека:
— Нет! Ты ответь про ямщика.
Ямщик тут древле был один...

— Ямщик? Ответь, Илья: какой?

— А жил он древле над Окой.

Старик-ямщик он был простой,

Пускал гостей он на постой.

И у того у ямщика

Ушел сынок на тихий Дон.

Вы про того про казака, про атамана Ермака,

Слыхали, люди? Где же он?

— Пока дремал ты, богатырь, могучий Муромец

Илья.

Твой внук Ермак ушел в Сибирь, за горы,

в дальние края.

За горный камень он ушел, завоеватель и герой,

Да там и смерть себе нашел за дикой каменной

горой!

— А нет, друзья!

Не верю я,— ответствует седой Илья,—

Не умер вольный атаман. Он жив, казак, здоров,

казак!

То — истина!

Из дальних стран

Илье ответствует Ермак.

ГОЛСС ЕРМАКА

Я из монгольских вод
 Встаю, из Иртыша,
 Из Иртыша встаю!
 Родина зовет.
 Горит моя душа.
 Скорбит моя душа
 За родину мою!

Вода степных озер
 Сияет позади.
 Гряда Уральских гор
 Темнеет впереди.
 «Ермак, твой ясен взр!
 Гляди, казак, гляди! —
 Волной шумит Иртыш.—
 Услышь, Ермак, услышь!»

О, Дон, родимый Дон!
 О, дом, родимый дом!
 Ты помнишь, старый Дон,
 О витязе младом!
 Сибирь завоевал
 Когда-то я, Ермак.
 Но кто же был Ермак,
 Как не донской казак?

Теперь жестокий враг
Пришел на тихий Дон,
Я встал, донской казак,
Горит родимый дом!

7

И в ответ — со всех сторон:
— Кто там тронул тихий Дон?
С дальних гор, покрытых льдом,
В снежном сумраке селом
Это это, точно гром:

— Мы идем! Мы идем!
Кто там тронул тихий Дон?
Это наш родимый дом!
Был Ермак донской казак, мы оттуда род
ведсм!
Бьем мы зверя прямо в глаз, чтобы шкурка не
рвалась,
А тевтона так ударим, чтоб вся шкура
расползлась,
Чтобы шкура у тевтона вся на клочья
расползлась!
Не уйдет живым он с Дона, не пробьется на
Кавказ!

8

Слышишь?
 Грянул этот бой,
 Бой у Волги голубой.
 Бой за горы и за море,
 За Тбилиси и за Горы,
 За цветущий Ашхабад,
 За Москву, за Ленинград.
 Бой за Кемь, бой за Свирь
 И за дальнюю Сибирь!
 Бьет врага донской казак,
 Бьет москвич, бьет сибиряк.

9

Бей!
 В огне зенитном тая,
 Пал упырь в степной ковыль,
 Но опять, за стаей стая,
 Вихри смрадные взметая,
 Слепо мчит сквозь дым и пыль.

Бой жесток.
 Коварен враг.
 Бей, Илья,
 Рази, Ермак!
 Объявись, Святсгор!
 Русь! Не будешь ты рабой,
 Святогор вступает в бой.

— Ты не умер, Святогор!

— Жив я! Живы все, кто храбр.

Всех я крепче и старей.

Жив я! Славный ваш Октябрь

Возродил богатырей!

Жив я! Здесь я наяву!

В каждом сердце я живу, я живу в любой
душе,

Новгородец Святогор, самый древний богатырь!

В русской я живу душе на Неве, на Иртыше.

Слышишь, Кемь? Слышишь, Свирь?

Слышишь, дальняя Сибирь?

— Слышим, слышим, Святогор, новгородский
богатырь!

Слышим, дед богатырей!

Всех старше и храбрее и сильнее на земле,

Где ты, дед богатырей? Покажись ты нам
скорей!

Где ты, дед?

— Я здесь, в Кремле!

Здесь, в московском я Кремле!

Весть летит по всей земле — я со Сталиным
в Кремле!

Я со Сталиным в Кремле — значит, Родина жива!

Вы видели:

В часы отлива,
Как будто б скорбью обуян,
Свои бушующие гривы обратно катит океан...

Я помню ночи...

Скорбь и горе!

Огонь пожаров, дымный мрак.

И на донское Лукоморье, и на кавказские
предгорья,
Повсюду сея смерть и горе, победно рвался
лютый враг!

Казалось, не взойдет обратно,

А закатилась навсегда

Или померкла безвозвратно

Твоя счастливая звезда.

Нет!

Неизбежен час прилива,

Чтоб встали из крошечной мглы,

Взметая пенные гривы,

Неукротимые валы!

Они грохочут, исполины.

Смотри! В сиянии зари

Как бы выходят из пучины могучие богатыри.

За дело русское бороться

Идут потомки Ермака —

Кровь волгаря и новгородца
Кипит в груди сибиряка!
За дело русское бороться
Идут и деды и отцы —
Сибиряки и новгородцы,
И вологжане, и донцы!
В порыве мощном, непреклонном
Идут лавиной!

Вот когда

Она встает над небосклоном —
Моя счастливая звезда!
Идет вся Русь на бой с тевтоном!
Мы не отступим никогда!

12

И ветры в могучем хоре
Взывают, пеня волну:
Отступишь — и будет горе:
Мать Родина будет в плену.
Отступишь — и будет великое горе:
Мать Родина будет в плену,
И Черное море и Белое море
В соленое море, в слезовое море
В пучину сольются одну.

Вперед!

Защищайте свое Лукоморье,

Родную спасайте страну!

Поволжья решится судьба в Черноморьи,

Сибири судьба — на Дону.

И мы защитили свое Лукоморье,

Родную спасли мы страну!

СОДЕРЖАНИЕ

Я знаю, что в Омбе...	3
Замечали — по городу ходит прохожий...	4
Я не таил от вас...	9
Река Тишина	10
Подсолнух	14
Деревья	21
Вологда	25
Кружева	28
Дивная страна	31
Гербы	35
Баллада о глубоком тыле	38
Му??	43
Люди с Ост-Зее	46
Гиперборейя	50
Вурдалаки	52
Волгинский лес	54
Дым отечества	58
Найду я дорогу в Москву	60
Лукоморье	66

3 р. 25 к.

в переплете 5 р.